

Н. К. Антонов<https://orcid.org/0000-0002-6588-1633>✉ nickforgo@gmail.com*Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
(Россия, Москва)*

ОПИСАНИЕ СЯЩЕННИКА ЧЕРЕЗ ВЕКА: ОДИН ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ КЕЙС

Аннотация. В статье рассматривается интерпретация представлений о священстве Григория Богослова (ок. 330–390) в монографии К. Ульманна (1825), фрагмент которой о священстве был затем переведен на русский язык (1869) с существенными трансформациями. Ставится вопрос о том, что транслируется, а что трансформируется от греческого автора к немецкому и от него к русскому переводчику. Сопоставление этих трех текстов производится с использованием методологии Кв. Скиннера. При рассмотрении категориального аппарата текстов IV и XIX вв. в отношении содержания их связь на внешнем уровне (цитаты и темы) оказывается иллюзорной, так что мы не можем назвать герменевтику текстов Григория, осуществляемую исследователями, полностью корректной. В отношении же иллюкутивного акта (т. е. намерения авторов в коммуникативной ситуации) этих текстов мы видим поразительное единство: все они направлены не на информирование читателя о нормах священнического служения, но изменение внутреннего отношения читателя к нему. Парадоксальным образом авторы XIX в. не столько анализируют тексты Григория Богослова, сколько воспроизводят его интенцию, которая оказалась значимой и для функционализирующего мышления эпохи модерна.

Ключевые слова: клир, достоинство, эпоха модерна, античность, Кв. Скиннер, Григорий Богослов, этос священства

Благодарности. Исследование было поддержано Российским научным фондом, грантовый проект № 19–78–10143 (<https://rscf.ru/en/project/19-78-10143/>). Проект выполняется Православным Свято-Тихоновским гуманитарным университетом.

Для цитирования: Антонов Н. К. Описание священника через века: один историографический кейс // Шаги/Steps. Т. 10. № 2. 2024. С. 340–360.

Поступило в редакцию 17 сентября 2023 г.: принято 24 марта 2024 г.

N. K. Antonov

<https://orcid.org/0000-0002-6588-1633>

✉ nickforgo@gmail.com

*St. Tikhon's Orthodox University for the Humanities
(Russia, Moscow)*

DESCRIPTION OF A PRIEST THROUGH THE CENTURIES: ONE HISTORIOGRAPHICAL CASE

Abstract. The paper deals with K. Ullmann's interpretation of St Gregory the Theologian's (c. 330–390) conception of priesthood, presented in his monograph (1825). A fragment of this work underwent significant transformation when translated into Russian (1869). The article seeks to establish what meanings were conveyed unaltered, and what was considerably changed during the process of communication between the Greek and the German authors, and from the latter to the Russian translator. A comparison of these three texts is made using the methodology of Quentin Skinner. After examining the categorical apparatus of the 4th and 19th century texts with regard to their content, their outward connection (quotations and common themes) proves to be illusory, so that we can say that the hermeneutic of those who studied St Gregory's texts was not entirely correct. With regard to the illocutionary act (i. e., the intention of the authors in a communicative situation) of these texts, we see an astonishing unanimity: they all aim not to inform the reader of the standards of priestly ministry, but to change the inner attitude of the reader towards it. Paradoxically, rather than interpret St Gregory the Theologian's texts, 19th century authors reproduce his intention, which turned out to be important even for the functionalizing thought of modernity.

Keywords: clergy, unworthiness, modernity, antiquity, Quentin Skinner, Gregory of Nazianzus, priestly ethos

Acknowledgements. This work was supported by the Russian Science Foundation under grant № 19–78–10143 (<https://rscf.ru/en/project/19-78-10143/>). The project was organized by St. Tikhon's Orthodox University.

To cite this article: Antonov, N. K. (2024). Description of a priest through the centuries: One historiographical case. *Shagi / Steps*, 10(2), 340–360. (In Russian).

Received September 17, 2023; accepted March 20, 2024

Введение

В центре внимания автора этой статьи находится малозаметный историографический кейс из исследований темы священства в наследии свт. Григория Богослова. Он позволяет ярко продемонстрировать трансформации, которые происходят при обращении к позднеантичному образу священника авторами эпохи модерна. Вместе с тем, соглашаясь с классиком, что с XVIII в. «классические топосы изменили в корне свое значение» и «старые слова получили новое смысловое наполнение» [Козеллек 2014: 25], я попробую поставить и вопрос о том, что этот водораздел модерна все-таки преодолевает. Для этого я постараюсь рассмотреть, как представления о священстве и, шире, сам способ говорения о нем Григория Богослова отразились в двух текстах XIX в., посвященных этой теме.

В 1825 г. Карл Ульманн, евангелический профессор Гейдельбергского университета, написал едва ли не первую научную монографию по биографии и догматической системе Григория Богослова (ок. 330–390). В приложении к ней он поместил раздел «Требования Григория к богословам вообще и к практикующему духовенству (praktische Geistlichen) в особенности» [Ullmann 1825: 509–527]. В 1867 г. — через два года после его смерти — работа была переиздана. С этого издания в 1869 г. указанное приложение¹ о духовенстве было опубликовано в «Трудах Киевской духовной академии» в русском переводе под названием «Святой Григорий Назианзин как обличитель недостойных пастырей» [К. С. 1869]². Этот перевод где-то на четверть короче исходного немецкого текста за счет сокращений, хотя переводчик добавил несколько цитат из Григория, которых нет в немецком оригинале, а также за счет достаточно существенных переводческих трансформаций.

Предлагаемая статья представляет собой сопоставление немецкого оригинала (далее — НО) и русского перевода (далее — РП) друг с другом и, главное, с текстами свт. Григория. Как представляется, это соотнесение позволит, пусть и на одном частном случае, увидеть, что именно и в каком объеме из содержания антично-средневековых представлений о священстве сохраняет свою актуальность в современном дискурсе о священнике.

Методология

Я воспользуюсь методом различения аспектов текста Кв. Скиннера, который предложил для анализа перформативности текста опираться на теорию речевых актов Дж. Остина, прилагая ее к письменной речи [Скин-

¹ Не могу не отметить курьезной ситуации с бытованием этой монографии Ульмана на русском языке: основной догматический фрагмент без биографии и приложений был переведен без указания оригинала и издан в нескольких номерах журнала «Христианское чтение» в 1828 г. прот. Герасимом Павским.

² Автор перевода оставил только свои инициалы, однако можно предположить, что это был Константин Иванович Скворцов, преподаватель патрологии и немецкого языка в Киевской духовной академии [Черкас 1904].

нер 2018: 132]. Остин в рамках своей концепции «слов как дел», наследующей позднему Витгенштейну, выделяет три аспекта высказывания: локутивный, иллокутивный, перлокутивный [Остин 1999: 89]. Локутивный аспект подразумевает передачу информации в рамках языковых правил, иллокутивный — коммуникативную цель высказывания, перлокутивный — предполагаемое воздействие на адресата.

Скиннер использует это деление при герменевтике текста, указывая, что он не ищет некий объективный смысл высказывания, но выявляет иллокутивный акт, т. е. намерение автора при создании текста. Он отличает намерение от мотива, который лежит вне произведения, утверждая, что мы можем реконструировать авторское намерение на основании свидетельств текста. Уровень перлокуции добавляет к этому постановку вопроса о том, какого эффекта хотел добиться автор [Скиннер 2018: 132–133].

Тексты XIX в. даже с формальной точки служат примером полифонии голосов нескольких эпох и культур: цитаты из Григория занимают в НО и РП 47%³, а текст РП, конечно, несет в себе интенции оригинала, пусть и скорректированные при переводе. Для оценки содержательных связей этих текстов я соотнесу их последовательно по трем предложенным аспектам.

Локутивное содержание

Рассмотрим, насколько можно говорить о совпадении локутивных значений текстов свт. Григория, НО и РП. В качестве первого шага я изложу кратко основное общее содержание НО и РП, не рассматривая их расхождения.

«Всякое время нуждается в людях», которые наставляли бы «беспечное духовенство в его священных обязанностях» [Ullmann 1825: 509–510; К. С. 1869: 307]⁴. До времен Григория из-за гонений духовенство было «чище» (РП) / «дееспособнее» (tüchtigere — НО) [Ullmann 1825: 510; К. С. 1869: 307], но при нем происходит «развращение» духовенства из-за выгоды этого высокого положения. Этот период характерен излишним рвением клира к догматическим спорам (конечно, Григорий тоже в них участвовал, но помнил о том, что «жизнь и дело гораздо более значат, нежели ученые теории» [Ullmann 1825: 511; К. С. 1869: 308]). Григорий говорит, что другая причина этого развращения — «в недостойном способе занимать духовные должности»; необходимо, чтобы клирики постепенно продвигались по церковным степеням [Ullmann 1825: 512; К. С. 1869: 309] и вместе с этим имели «основательное приготовление к духовному зва-

³ НО: 1794 из 3801 = 47% по количеству слов; РП: 1183 из 2513 = 47% по количеству слов.

⁴ Мы будем цитировать РП там, где он совпадает с НО, и давать в скобках немецкий оригинал после нашего перевода элементов НО, которые отличаются или опущены в РО.

нию» [Ullmann 1825: 513; К. С. 1869: 310], что показывает и жизнь самого Григория. Подготовка заключается в том числе в богословском образовании [Ullmann 1825: 514–518; К. С. 1869: 310–311]. «Кроме указанных недостатков, большинству духовных лиц был в высшей степени присущ светский (weltliche) образ мыслей» [Ullmann 1825: 519–521; К. С. 1869: 311]. Далее следует описание идеала священника, цель служения которого — «сделать богом и причастником горнего блаженства» [Ullmann 1825: 521; К. С. 1869: 313]. Также клирику необходимы знания не только «вещей божественных», но и «наук человеческих, особенно же философии» [Ullmann 1825: 523; К. С. 1869: 314]. Утверждается достижимость этого идеала, поскольку речь не идет об абсолютном богопознании, которое, по словам Григория, «не достигается в земной жизни человека» [Ullmann 1825: 514; К. С. 1869: 314].

Концовки текстов несколько отличаются. В НО идет большая цитата о принципах проповеди, после чего говорится о том, что «сила, укрепляющая клирика, <...> приходит свыше» (Die Kraft, welche den Geistlichen <...> stärkt, soll ihm <...> von oben kommen), он должен «осознать свою слабость» (seiner eigenen Schwäche sich bewußt) [Ullmann 1825: 525] и подражать Иисусу и апостолам, особенно ап. Павлу; оканчивается текст возвышенным описанием служения ап. Павла.

В РП концовка более краткая, в ней утверждается необходимость для пастыря «смирения», что подтверждается заключающей текст цитатой из Григория⁵ [К. С. 1869: 314].

1. Тематическая связь текстов

В цитатах НО и РП представлены почти все основные тексты Григория, анализируемые и в современной историографии при обращении к теме священства в его трудах (см., например: [Elm 2012: 158–168; Beeley 2008: 237–238]). Цитируются главным образом «Апология» (Greg. Naz. Or. 2), 20-е слово (Greg. Naz. Or. 20), слова об Афанасии Великом (Greg. Naz. Or. 21) и Василии Великом (Greg. Naz. Or. 43), поэма «О себе самом и о епископах» (Greg. Naz. Carm. 2.1.12⁶) и др. Насколько полно эта подборка отражает основные элементы мысли Григория о священстве? Для ответа на этот вопрос опишем темы, введенные или подтвержденные цитатами из Григория.

Много цитат посвящено принципам вступления в клир, среди них есть как критические пассажи, так и описание положительных задач священнического служения. Критика направлена на рукоположение канди-

⁵ «Образовавшие в себе дар слова, не слишком полагайтесь на сей дар, не мудрствуйте до излишества, паче разума, не желайте во всем, даже и со вредом, одерживать верх; но в некоторых случаях, только было бы полезно, уступайте над собой и победу. Принесите слово в дар Слову, обратите ученость в оружие оправдания, а не смерти» (Greg. Naz. Or. 19.1).

⁶ Эта поэма не издавалась на русском языке в XIX в. Вероятно, поэтому переводчик опустил большую цитату оттуда, приведенную в НО, переводя при этом с немецкого текста включенные в НО небольшие цитаты из этой же поэмы.

датов без подготовки и последовательного прохождения церковных степеней⁷. Положительные высказывания отмечают необходимость аскезы, образования и скромности⁸. Теме образования уделено особенное внимание, причем приводятся и цитаты, содержащие критику тех, кто отрицает нужность образования⁹, и список необходимых знаний¹⁰. Также делается акцент на проповеди как особо значимом аспекте служения священника и общении с паствой¹¹, что становится основанием и для нравственных требований к священнику¹². Отдельно выделяется критика лицемерия и непостоянства¹³. Кульминацией служит пассаж о высокой цели служения священника — «соделать богом и причастником горнего блаженства» (Greg. Naz. Or. 2.22), который в РП дополняется скомпонованной из нескольких мест (в основном из Greg. Naz. Or. 2.16–21) цитатой о душепопечении и пастырстве. Значительную роль играют цитаты об образе богослова и богопознании, идеал которого помещается в эсхатологическую перспективу, поскольку в земной жизни оно является познанием теней и образов истины¹⁴. Включается и фрагмент с утверждением особенных

⁷ Например: «Когда смотрю, — пишет Григорий Назианзин, — <...> на скороспелых мудрецов, на производимых вновь богословов...» [К. С. 1869: 308] (нет в НО, цитата из Greg. Naz. Or. 20.1); «Вчера еще ты был в театре между комедиантами <...> Вчера ты продавал как ритор право <...> а теперь вдруг сделался [священником]...» [Ullmann 1825: 512; К. С. 1869: 309] (цитата из Greg. Naz. Carm. 2.1.12.156 и далее); «У нас <...> не установлена граница между учить и учиться <...> прежде нежели оставят детскую школу <...> вступят на священную паперть <...> познакомятся с книгами Ветхого и Нового Завета, не говорю уже — прежде чем смотают скверну своей души, то есть грех, уже думают быть учителями и руководителями душ» [Ullmann 1825: 515; К. С. 1869: 310] (цитата из Greg. Naz. Or. 2.49) и др.

⁸ «Лучшим духовным и достойным высшего места может быть назван только тот, кто более всего заботится о Божественном слове, кто постоянно обуздывает свою плоть и покоряет ее духу и скромно стоит на низшем месте» [Ullmann 1825: 514; К. С. 1869: 310] (цитата из Greg. Naz. Or. 43.26, перевод из РП, а не по переводу XIX в.).

⁹ Цитируется фрагментами Greg. Naz. Carm. 2.1.12.192 и далее.

¹⁰ Цитируется Greg. Naz. Or. 2.35–36.

¹¹ В НО [Ullmann 1825: 519] цитируется большой отрывок из Greg. Naz. Carm. 2.1.12.270 и далее, оставленный в РП без перевода. Приведу фрагмент оттуда: «Мы же не проявляем большой заботы о том, как обстоит дело с внешней стороной речи, но обращаем внимание на ее внутреннюю составляющую. Ведь наше спасение заключается во внутреннем смысле, хотя и [не просто в смысле, но] в смысле, изъясненном и раскрытом». Вместе с тем следующий фрагмент цитируется только в РП [К. С. 1869: 314]: «Представителю, — пишет он, — необходимо быть вместе как простым <...> так и сколько можно более многосторонним и разнообразным для приличного со всяким обращения, а равно способным к полезной со всяким беседе» (Greg. Naz. Or. 2.44).

¹² И в НО и в РП есть много общих фрагментов на эту тему, напр.: «пусть он убеждает меня не словами, но делом, я ненавижу учение, которое противоречит жизни» [Ullmann 1825: 519; К. С. 1869: 312] (цитируется Greg. Naz. Carm. 2.1.12.39 и далее) и др.

¹³ «В своей вере они двуязычны, служат духу времени, а не закону Божию; непостоянны в своем учении, как трость, ветром колеблемая» [Ullmann 1825: 520; К. С. 1869: 312] (цитируется Greg. Naz. Carm. 2.1.12.330 и далее).

¹⁴ «Истинный богослов <...> тот, кто более, нежели другой, отразил в себе Божественное и имеет в себе образ, тень истины...» [Ullmann 1825: 524; К. С. 1869: 315] (цитируется Greg. Naz. Or. 30.17).

нравственных требований к священнику, больших, чем ко всякому христианину¹⁵.

В итоге, с одной стороны, НО и РП действительно включают в себя большинство основных тем, обсуждаемых Григорием при описании клира и клириков, значительная часть которых основательно поддерживаются цитатами. С другой — обращает на себя внимание практически полное отсутствие темы таинств. Если в РП она несколько расширяется¹⁶, то в НО она скорее получает отрицательное освещение в критике «ограниченного и ленивого духовенства, которое сущностью священнического служения считает выполнение каких-то сверхъестественных церемоний»¹⁷ — фраза, убранный в РП.

Это отсутствие в обоих текстах какого-либо осмысления роли тайносовершения в служении священника говорит о необходимости более глубокой постановки вопроса о локутивном содержании текстов. Обратимся от тематического соотнесения к анализу ключевых оппозиций, задающих содержание суждений по тем или иным темам.

2. Расхождение локутивного содержания

В недавних публикациях С. А. Воронцова было продемонстрировано, что изменение структур рациональности и обоснования истинности в эпоху модерна лишило священника той роли в манифестации истины, которую он имел через руководство душами и таинства [Воронцов 2017]. Разделение сферы сакрального и социального вкупе с выведением сакрального за рамки рационального дискурса привело к описанию священника исключительно через его функционализацию в сфере социального [Воронцов 2021]. Таким образом, общее отличие стиля мышления модерна от античного и средневекового лишило в определенной степени

¹⁵ В цитатах из *Greg. Naz. Or.* 2.14–15.

¹⁶ В НО [Ullmann 1825: 522] и РП [К. С. 1869: 313] присутствуют цитаты, упоминающие «принесение священной жертвы за своих чад», из *Greg. Naz. Carm.* 2.1.12.757, однако общий контекст здесь не столько мистериальный, сколько этический, ведь до этого говорится, что священник «должен служить для своих пасомых чистым духовным зеркалом» (*die göttlichen Eindrücke rein in der Seele tragend, wie ein geistiger Spiegel*). Тема жертвы поднимается еще раз в РП: к началу цитируемого в НО *Greg. Naz. Or.* 2.14–15 добавляется фраза: «Никто не достоин великого Бога, никто не достоин быть пастырем и приносить Богу жертвы, если он прежде не принес себя в живую жертву Богу или если не сделался святым и живым храмом живого Бога», которая является соединением измененных отрывков из *Greg. Naz. Or.* 2.95 и 97. У Григория в этих фрагментах именно обязанность тайносовершения оказывается основанием для особых требований к священнику, в то время как в РП, за счет добавления к словам Григория фразы «никто не достоин быть пастырем и приносить Богу жертвы» акцент смещается на пастырство в целом, о чем свидетельствует и развитие цитаты: «Как я могу дерзнуть возвещать слово Божие, если я не сделался достойным органом этого слова?»

¹⁷ «...beschränkter oder träger Geistlichen, welche das Wesen des priesterlichen Amtes in die Verrichtung gewisser übernatürlich wirkender Cärimonien setzen» [Ullmann 1825: 517].

своей значимости и эффективности традиционные ходы мысли, описывавшие место священника в мире [Воронцов 2020].

Рассмотрим в этом ракурсе вопрос о таинствах, а также две главных темы НО и РП: догматику и образование.

Конечно, тема таинств в количественном отношении занимает не слишком большое место и в текстах самого Григория о священстве. Однако в «Апологии» (3-е слово / *Or.* 2) она представлена очень насыщенными и значимыми фрагментами, в которых фактически определяется положения священника в антично-христианском мировидении¹⁸. Я не буду обсуждать сейчас, были ли составители НО и РП согласны или не согласны с онтологией Григория, нам достаточно зафиксировать, что она была интересна в связи с представлениями о священнике¹⁹.

В самом деле, хотя в текстах утверждается цель священнического служения по Григорию — «творить богами», как она достигается, из них не становится понятным, поскольку в этих текстах не намечен путь спасения. Без описания этого пути, хотя бы с точки зрения роли священника в нем, мы не видим связи между утверждением высокой цели служения и тем, каким должен быть священник. Каким образом то, что священник будет образованным и скромным, постепенно пройдет разные церковные чины и будет жить духовной жизнью, приведет к спасению мирян? Грубо говоря, из текстов XIX в. непонятно, как священство работает.

Переходя к вопросу о соотношении догматики и жизни, мы увидим, что его рассмотрение почти не поддерживается цитатами из Богослова — это противопоставление «практическим истинам» «ученых теорий» в контексте догматических споров. Здесь мы видим заметное несоответствие длинного пассажа краткой цитате, его подтверждающей. В ней, по Григорию, практическая добродетель служит «предварительной ступенью познания» (*die Vorstufe der Erkenntniß*) к тому, что называется догматикой²⁰. Если прямой причиной введения этого мотива в НО можно считать влияние пиетизма, то сама возможность такого хода мысли обуславливается отрывом познания от этики, утверждением независимости рациональных операций от нравственности познающего субъекта [Воронцов 2017: 42–43].

Конечно, у Григория вполне можно найти отдельные утверждения о том, что догматическое высказывание не есть высшее богопознание²¹, а

¹⁸ См. фрагменты *Greg. Naz. Or.* 2.4–5, 73, 95.

¹⁹ При этом в изложении учения Григория Ульманн, естественно, посвящает существенное внимание Крещению и Евхаристии [Ullmann 1825: 458–488].

²⁰ НО цитирует *Greg. Naz. Or.* 20.1 [Ullmann 1825: 511], в то время как РП пересказывает ее своими словами [К. С. 1869: 308].

²¹ См. концовку большой поэмы «О добродетели» (*Greg. Naz. Carm.* 1.2.10.965) и далее: «Иное скажи о Боге, впрочем со страхом; а иное пусть остается внутри и, безмолвно чтимое, чувствуется втайне одним умом; для иного же отвержай только слух, если преподается слово, ибо лучше подвергать опасности слух, нежели язык. О прочем же будем молить, чтобы узнать сие ясно, отрешившись от дебелости плоти...»

также критику догматических споров²², необходимости праведной жизни в этом контексте и т. д. Однако их связь определяется представлением о единстве добродетели и познания и их включенности в путь спасения. Так что утверждение, что и богослову, и его слушателю необходимо быть нравственно готовыми соответственно к передаче / получению догматических истин, в итоге подчеркивает именно их особую значимость, а не вторичность по отношению к «практическим истинам»²³. При несомненной близости тезисов содержательная их включенность в разные категориальные схемы не позволяет рассматривать высказывание «[Он считал, что] жизнь и дело гораздо более значат, нежели ученые теории» [Ullmann 1825: 511; К. С. 1869: 308] в качестве корректной интерпретации мысли Григория²⁴.

Ту же ситуацию мы наблюдаем с темой образования, к которой активно обращается Григорий. Неудивительно, что она притягивала внимание Ульманна²⁵ и переводчика в 1869 г., после реформы духовных семинарий 1867 г. Но у отцов-каппадокийцев образование включается в путь восхождения к Богу как «малые мистерии» [Алиева 2017: 341–355], и именно поэтому оно служит важным этапом формирования священника. Конечно, для священника в нем есть и функциональный момент, связанный с необходимостью проповедовать. Однако и сама проповедь имеет несколько иную функциональность, в связи, как уже было сказано, с иным представлением о достижении истины. Если для Григория его проповедь о Троице является едва ли не моментом теофании²⁶, то в НО знания священнику нужны, чтобы утвердить истинность христианского учения («die Wahrheit der christlichen Lehren zu vertheidigen» [Ullmann 1825: 523]) и дать основания для веры («Grund und Rechenschaft des Glaubens geben» [Ibid.: 524]). Эти слова оказываются не такими примитивными, если вспомнить о лежащей в основании лютеранской версии христианства концепции оправдания верой, однако разные сотериологические перспективы явным образом задают и разную функциональность одного тезиса о необходимости образования. То же самое мы можем сказать и

²² См. описание им Константинопольского собора 361 г. в поэме «De vita sua». Однако критикует Григорий не их содержание, а ложную мотивацию их участников, см., например: Greg. Naz. *Carm.* 2.1.11.1563: «...нет уже ничего связующего этих разделившихся между собой не из веры, выставяемой в предлог ненависти, готовой ко лжи, но из-за спора о престолах».

²³ О чем на самом деле и говорит цитата из Григория, приводимая в НО и пересказываемая в РП: «die That ist die Vorstufe der Erkenntniß».

²⁴ Оставляю в стороне вопрос о принципиальной несоотнесенности этих понятий с категориями практической / созерцательной жизни в античности в целом и у Григория в частности. Анализ их развития см. в [Биркин 2016].

²⁵ Исследователи протестантской теологии XIX в. относят Ульманна к движению *Vermittlungstheologie*, в рамках которого богословие мыслится как посредник между наукой и религией. См.: [Flückiger 1975: 52].

²⁶ Например, так он описывает свою проповедь в Константинополе: «...из уст моих изливалась единосущная Троица, сияющая тремя явленными нам Красотами» (Greg. Naz. *Carm.* 2.1.16.29–30).

о противопоставлении внутреннего и внешнего²⁷, светского (*weltliche*) и духовного²⁸ и др.

Зафиксировав эти расхождения между текстами Григория Богослова и их осмыслениями XIX в., рассмотрим, где можно обнаружить истоки сдвигов ключевых категориальных оппозиций. Не претендуя на глубокий анализ, ниже я укажу самые очевидные моменты, где даже на поверхностном уровне обнаруживается, что интерпретация Григория в НО обусловлена интеллектуальным контекстом эпохи.

3. Контекст НО

Контекстное поле Карла Ульманна, автора НО, определяется по меньшей мере двумя течениями протестантской мысли того времени.

Первое из них — пиетизм. Основная интуиция его *opus magnum* — «*Das Wesen des Christentums*» («Сущность христианства»), изданного в 1849 г., — заключается в отделении веры от догматизма через противопоставление благочестивой жизни и деятельного христианства отвлеченным идеям. Уже из представленных выше фрагментов видно, что эти мысли находят отражение и в исследуемой здесь монографии 1825 г., посвященной Григорию, в которой Ульманн, по выражению Б. Сторина, «делает своего героя пиетистом IV века» [Storin 2017: 262]. Неудивительно, что это же противопоставление догматизма жизни и акцент на практической стороне христианства мы встречаем, как было показано, первым пунктом при описании клира IV в. Несмотря на явную анахроничность этой интерпретации, соотношение указанной оппозиции с интуициями Григория представляет интерес для нашего вопроса.

Второй значимый элемент протестантского интеллектуального пространства того времени — проект теологической науки, предложенный Ф. Шлейермахером. Он подразделял богословскую науку на три части, «венцом» которой называл практическую теологию²⁹, определяя ее как «теорию церковного управления» (*der Theorie des Kirchenregimentes*)³⁰. Как кажется, этой линией определяется не только сам факт наличия приложения о клире в монографии, посвященной биографии и главным об-

²⁷ Тема появляется в РП при цитировании фрагмента *Greg. Naz. Or.* 2.21: «Наше врачебное искусство гораздо труднее искусства врачевать тело. Оно труднее потому, что последнее мало заглядывает вглубь, более же занимается видимым; напротив того, наше врачевание и попечение все относится к потаенному сердца человеку (ср. церк.-слав. текст 1 Пет 3:4. — *Примеч. редактора*), и наша брань — с врагом, внутрь нас воюющим» [К. С. 1869: 308].

²⁸ «Большинству духовных лиц был в высшей степени присущ светский образ мыслей» [К. С. 1869: 311; Ullmann 1825: 519]; «...занятому постоянным упражнением в аскетизме мужу св. Григорий противопоставляет светского пастыря» [К. С. 1869: 312; Ullmann 1825: 519].

²⁹ См. § 31 «*Die Praktische Theologie ist die Krone des theologischen Studiums*» [Schleiermacher 1811: 8].

³⁰ См. § 23 «*Die praktische theologie ist demnach erschöpft in der Theorie des Kirchenregimentes im engeren Sinn und des Kirchendienstes*» [Schleiermacher 1811: 76].

разом догматической системе Григория, но и собственно оптика интерпретации клира как «практического духовенства».

Таким образом, общее изменение модерна отразилось на интерпретации тезисов Григория Ульманном в русле конкретного сочетания интуиций его эпохи. Они были в значительной степени перенесены и на русскую почву, однако не без очевидных трансформаций.

4. Переводческие трансформации РП

Переводческие трансформации в РП 1869 г., судя по всему, объясняются конфессиональной принадлежностью автора. Сам же факт обращения русского патролога к этой теме объясняется, по-видимому, ростом в 1860-е годы дискуссий о роли духовенства в обществе и рефлексии относительно духовенства в академической среде [Сухова 2009: 34–35], вызвавшие существенный рост использования пастырской лексики [Lyutko, Chernyi 2020: 221] в текстах того времени, что отразилось и в РП. Мы видим два параллельных течения. С одной стороны, с 1850-х годов учебники пастырского богословия формируют нормативный образ священника, «методично перечисляя недостатки и достоинства, этапы становления, нормы и аномалии [священнического служения], сухо подтверждая суждения “глухими” ссылками на Священное писание» [Ibid.: 220]. С другой — в этом же периоде находятся истоки пастырского поворота в богословии, приведшего к появлению впоследствии концепций вл. Антония (Храповицкого) и его учеников, что, насколько можно судить, отражается в расширении части о душепопечении в РП по сравнению с НО.

Конкретные переводческие трансформации РП по отношению к НО выполняются тремя способами: 1) сокращением или удалением каких-то фрагментов авторского текста или цитат; 2) дополнением новыми фрагментами авторского текста или цитат; 3) заменой при переводе ключевых категорий. Они обусловлены в первую очередь попыткой нивелировать наиболее «протестантские» интуиции НО.

Например, переводчик опускает следующие фразы:

Wären deren nach ihm, nach Johannes Chrysostomus und wenigen Gleichgesinnten noch mehrere gekommen, sie hätten das Verderben der griechischen Kirche wenigstens noch länger aufgehalten. (Если бы после него [Григория], после Иоанна Златоуста и нескольких его единомышленников пришли бы другие, они по крайней мере еще на некоторое время остановили бы разрушение греческой Церкви) [Ullmann 1825: 510].

...dogmatische Streitsucht und ein bitterer Verfolgungsgeist, welcher fein zugespitzte, aber für das Seelenheil völlig entbehrliche Lehren als das Nothwendigste und Heiligste auf Concilien und von den Kanzeln hartnäckig vertheidigte (...догматические споры и ожесточенный дух преследования, который упорно отстаивал на соборах и с кафедр прекрасно отточенные, но совершенно ненужные для спа-

сения души доктрины как безусловно необходимые и священные) [Ibid.: 510].

Сравним также утверждение о роли народа при избрании епископов.

НО: ...der Wille des Volks, welches seine Ansprüche auf das ihm früher zugestandene, allmählich aber entzogene Wahlrecht oft stürmisch genug geltend machte. (...воля народа, который часто достаточно бурно заявлял свои претензии на право голоса, которым он обладал ранее, но которого был постепенно лишен) [Ullmann 1825: 511].

РП: ...воля народа, который свои притязания на право выбора епископа высказывал нередко мятежами и кровопролитием [К. С. 1869: 308].

Если в НО народ «бурно заявлял» о своих законных «избирательных правах», то в РП народ этих прав не имеет, но имеет на них, по-видимому, незаконные притязания, которые высказывает в ужасной форме.

Не менее показательны тут и прямые переводческие трансформации. Так, противопоставленные апостолам «попы Ваала» (Baalspfaffen) [Ullmann 1825: 517], т. е. недостойные клирики времен Григория, передаются в РП как «необразованные пастыри» [К. С. 1869: 311]. Характерен также перевод выражения «geistlichen Stelle und Stufe» (духовное положение и ступень) [Ullmann 1825: 512] как «церковная иерархия» [К. С. 1869: 308], а «Dem ernsten, mit steten Uebungen eines strengen Lebens beschäftigten Gottes mann...» (серьезному, занятому постоянным упражнением в строгой жизни...) [Ullmann 1825: 520] как «Серьезному, занятому постоянным упражнением в аскетизме мужу...» [К. С. 1869: 312] и другие примеры введения более традиционной лексики с несколько иными коннотациями.

Следует также обратить внимание на особенности НО и РП в аспекте терминологии священства. Уже в ее названии мы видим, что если НО посвящен «богословам вообще и практикующему духовенству (praktische Geistlichen) в особенности», то РП обращается к «пастырям». Также и в самом начале текстов мы видим: в РП опускается упоминание того, что образцом для клириков могут быть люди «духовного или мирского положения» (geistlichen oder weltlichen Standes). Если для НО «богословы» это более общее понятие, чем «духовенство», то в РП «пастыри» и «богословы» — это одно и то же³¹.

Далее, в НО основными понятиями являются *der Geistliche* и *geistliche Stelle / Stand / Würde / Amt* и т. д.³² В РП наряду с их аналогами *духовное*

³¹ Показательным здесь будет перевод формулы «Ideal eines Theologen» (идеал теолога) [Ullmann 1825: 521] как «идеал духовного пастыря и богослова» [К. С. 1869: 312].

³² 39 вхождений по поиску «Geistlich», из которых три — «Geistlichkeit».

лицо и духовный сан, духовная должность³³ мы встречаем частое использование слова *пастырь*³⁴, которое лишь один раз присутствует в НО (*Hirte*) [Ullmann 1825: 509]. Словом *пастырь* переводится и *Geistliche*, и *Priester*, и *Theologe*, из чего мы понимаем, что это понятие, отсутствовавшее в НО, сознательно вводится переводчиком и мыслится им как основное для указания на клирика.

В итоге мы видим, что РП, передавая все основные положения НО, смягчил критику духовенства, убрал прямо протестантские элементы во взгляде на историю Церкви, догматику, роль мирян в Церкви и т. п., а также несколько трансформировал базовую терминологию НО.

* * *

Два текста XIX в., хотя и различаются конфессиональными акцентами и ключевой лексикой, оказываются содержательно — в смысле предлагаемого способа помыслить священника — весьма близки. Близость же локутивного содержания текстов IV и XIX вв., предполагаемая из-за обилия цитат и совпадения ряда тем, при анализе категориальных структур оказывается во многом иллюзорной. Однако является ли достаточным такой подход к этим текстам? Представляется, что анализ текста без ответа на классический вопрос Скиннера «What was doing the author by writing his text?» не может быть признан корректным. И именно подход в этом ракурсе, как мне кажется, позволяет разглядеть «голос» Григория в НО и РП.

Иллокутивный и перлокутивный аспекты

Рассмотрим теперь последовательно иллокутивные акты наших текстов.

Можно утверждать, что главной темой и для НО, и РП, и для «Апологии» Григория Богослова служит тема становления священника и его этики. Причем речь идет не столько об эксплицитных высказываниях на эту тему, сколько об их иллокутивном аспекте. Несмотря на существенные отличия жанров и коммуникативных ситуаций этих текстов, в этом мы увидим их значительное сходство. Изложу кратко результаты моей интерпретации наследия Григория в этом ракурсе [Антонов 2021].

Для античного читателя «Апология» Григория была, в терминологии П. Адо [2005: 52–65], «духовным упражнением» — и здесь нам важен не «смысл текста», а процесс его прочтения: структура текста через разные высказывания о клире вела к интериоризации определенного отношения к становлению священником. Речь идет не об информировании о нормах вступления в клир (ср. с каноническими текстами), а о построении дис-

³³ 21 вхождение по поиску в тексте на «духовн», а также три аналогичных НО вхождения на «духовенство».

³⁴ 16 вхождений по поиску в тексте на «пастырь».

курсивного пространства, в котором читатель определяет свое отношение к вступлению в клир.

Сам текст при этом содержит пассажи с критикой клира, нормативными требованиями к тому, кто хочет в него вступить, и идеальным образом пастыря, а также описание героем текста своих эмоций при вступлении в клир. Подход Скиннера³⁵ здесь оказывается весьма эвристичным, поскольку вопрос о с о д е р ж а н и и этого текста дает совсем иные результаты (в отношении образа священника, онтологии его служения и т. п., см.: [Antonov 2022]), чем вопрос об иллюкутивном намерении автора (высказывании об этике вступления в клир) и о совершаемой текстом перлокуции — навязывании читателю ощущения недостойности перед священством при демонстрации возможности становления священником, с соответствующей этической установкой.

Другие тексты Григория помимо «Апологии», к которым обращаются НО и РП, хотя и написаны в иных жанрах и имеют иные структуры повествования, устроены схожим образом в одном отношении: разговор о священстве и клириках имеет ярко выраженную иллюкутивную составляющую — описание положения священника в общине и идеала епископа, а также едкая критика современного епископата направлены у Григория на формирование внутри клира представления о тотальном недостойности священства, только ощущая которое возможно быть «правильным» священником.

В итоге можно сказать, что описание того, что должен делать пастырь, подчинено иллюкутивному намерению сформировать у читателя образ того, как им он должен быть, причем перлокутивный аспект этого описания состоит в навязывании читателю чувства недостойности перед высотой сана.

Рассмотрим кратко причины обращения авторов XIX в. к материалу Григория и попробуем реконструировать их намерения.

Обращение к Григорию в протестантской интеллектуальной среде не самоочевидно. Вспомнив о монографии Ульманна «Реформаторы до реформации» [Ullmann 1841] и о представлении Григория «пиетистом до пиетизма» (см. выше), мы понимаем, что интенция Ульманна — не обращение к авторитету, а поиск (или конструирование) в истории Церкви союзников по духу. Можно сказать, что авторитет свт. Григория был сформирован автором в самой монографии.

Интересным подтверждением этой интуиции служит тот факт, что после изложения представлений о священстве свт. Григория автор помещает свой очерк о представлениях о нем же императора Юлиана (!) со следующим небезынтересным выводом:

Среди предписаний Юлиана есть как те, которые ошибочно предполагают проявление только внешнего священнического

³⁵ В статье [Антонов 2021] я шел аналогичным Скиннеру путем, не используя эксплицитно его терминологию, но оставаясь в русле античных штудий.

достоинства, так и те, которые могут быть целесообразно применены в любое время истинно евангельским священнослужителем в христианском смысле [Ullmann 1825: 533].

Факт обращения автора РП к авторитету свт. Григория Богослова в рамках православной традиции вполне понятен, как понятно и желание сделать вклад в общественную дискуссию о клире на основании его наследия.

Указав выше существенную роль контекста эпох для НО и РП, обратимся к некоторым наиболее показательным моментам их структуры для реконструкции иллокутивных актов в этих текстах. Вспомним, что в них описывается упадок клира, содержатся требования к вступлению в сан, приводится критика, которую затем сменяет практически недостижимый идеальный образ пастыря, в который вводится тема недостойности (Unzulänglichkeit), после чего текст заканчивается требованием смирения, осознания своей слабости и упования на Бога. Используемая авторами современная терминология позволяет напрямую соотносить цитаты с духовенством своего времени.

Добавим к этому зачины текстов: «Всякое время нуждается в людях, которые бы оживляли и располагали к деятельности слабых и ленивых пастырей Церкви...» [К. С. 1869: 307; Ullmann 1825: 509]; а также цитаты вроде «Но да не подумает кто-либо, что Григорий требует от пастыря невозможного...» [К. С. 1869: 314] и т. п. Особенно значимыми для реконструкции иллокутивного намерения авторов являются заключительные пассажи текстов. В НО кульминационный тезис звучит так: «Сила, укрепляющая священника <...> должна приходить к нему свыше. Он должен осознать свою слабость, довериться [Богу]» [Ullmann 1825: 526]. В РП к этому добавляется противопоставление мистического функциональному, что в некотором роде перечеркивает предыдущий фрагмент о значении образования: «Как бы ни был учен пастырь, а если он не имеет при этом смирения, то ученость будет для него не только бесполезна, но даже вредна. Истинный богослов должен сознавать свою немощь и с молитвой обращаться к [Богу]» [К. С. 1869: 315].

Учитывая описанный более перформативный, чем исследовательский тон, а также обращение к реалиям, современным обоим авторам (практический теолог, пастырская должность и т. п.), нетрудно предложить прочтение и НО, и РП как высказываний о клире (или для клира) своих эпох, пусть и выстроенных как исследовательский анализ материала IV в. Можно предположить, что автор и переводчик стремились не показать читателю результаты научного анализа и даже не информировать его о природе священства или функциях пастырского служения, но изменить его внутреннее отношение к этосу священнического служения.

При этом русский переводчик, воспринимая Григория главным образом через призму Ульманна, также свидетельствует о воспроизведении посыла последнего, а не просто о естественной для перевода трансляции его содержания, поскольку он мыслил свой текст как высказывание, трансформирующее современный уже с е б е клир через тот же восприня-

тый у Григория механизм соотнесения разных высказываний о священстве (критика, идеал, нормативные требования).

Перлокутивный эффект текстов оказывается практически идентичным. Если у Григория идея недостойности вводилась опосредованно через размышления героя текста и образы недостойных и идеальных пастырей, то в НО и РП она вводится эксплицитно через высказывания долженствования («должен осознать слабость/немошь»), что лишь подчеркивает ее доминантное положение в общей схеме. Именно от этой идеи, вкупе с описанным до нее идеалом пастыря и критикой недостойных, дальше отстраивается этос священника, заключающийся не в следовании конкретным рекомендациям (как становиться, что знать, что делать), а в осознании своей принципиальной недостаточности для этого служения и в уповании на Бога.

В этом мы можем видеть результативность перлокуции текстов Григория: читатели его текстов и спустя 15 веков восприняли предполагаемый им эффект и транслировали его далее.

Заключение

Подведем итоги статьи и попробуем ответить на исходный вопрос о том, что из содержания антично-христианских представлений о священстве может сохранять свою действенность в современных текстах о священнике.

Поскольку НО и РП были созданы в рамках академического интеллектуального пространства, первым побуждением является оценка их аналитической составляющей, причем с современных нам позиций. С одной стороны, в НО и РП мы видим набор тезисов, действительно принадлежащих Григорию (главным образом в большом количестве — 47% — цитат из его текстов), так что можно говорить о существенном присутствии его интуиций в этих текстах. С другой стороны, сопряжение этих тезисов в иные категориальные оппозиции и ходы мысли, обусловленные иной картиной мира, приводит к тому, что получившиеся тексты нельзя назвать корректной герменевтикой взглядов Григория. Здесь можно было бы отметить недостаточную контекстуализацию своего источника в его эпохе и внедрение категорий из своих эпох. Развитие в РП темы смирения и душепопечения, а также главным образом смягчение и исключение ряда «протестантских» моментов делает его несколько ближе к исконным интуициям Григория. Однако это не является следствием более качественного анализа его текстов. Скорее это можно объяснить большей консервативностью православной традиции³⁶.

В итоге тексты XIX в., несмотря на существенные переводческие трансформации лексического уровня и на нивелирование в переводе ряда

³⁶ Как отмечает М. А. Пылаев [2021], если протестантизм в значительной степени создал нововременной христианский дискурс, то православие больше приращивает «синкретизм» средневековой и современной религиозности.

конфессиональных интуиций немецкого оригинала, оказываются весьма близки друг к другу в отношении того, как мыслится положение клирика. В то же время связь локутивного содержания текстов IV и XIX вв., отмечаемая на внешнем уровне (цитаты и темы), на уровне категориального аппарата оказывается иллюзорной.

Однако не является ли анахронизмом и игнорированием контекста той эпохи сама моя попытка увидеть в НО и РП мотивацию «чистой науки»? Очевидно, что и соотнесения только локутивного содержания текстов без попытки выявить их иллюкутивную составляющую недостаточно для окончательных выводов.

Парадоксальным образом, выбирая из Григория цитаты вполне во «вкусе» своего времени, в значительной степени вкладывающиеся (или трансформирующиеся) в социальную функционализацию пастыря, типичную для дискурса модерна, авторы НО и РП транслируют и иллюкутивную составляющую высказывания Григория, и его перлокутивный эффект. Как и тексты Григория, НО и РП направлены не столько на описание места священника в обществе, сколько на изменения внутреннего устройства своего читателя.

Реконструкция намерения у К. Ульманна и у русского переводчика показывает, что их целью был не столько анализ текстов Григория, сколько создание собственного перформативного высказывания, адресованного современному им клиру. Можно предположить, что базовой их интенцией была попытка функционального описания пастырского служения с помощью цитат из Григория. Вместе с тем сила иллюкуции Григория Богослова оказалось такова, что функционализирующие элементы текстов XIX в. (описание священника через его деятельность) отходят в них на второй план, отчасти теряют самостоятельное значение, включаясь в общий перлокутивный эффект текстов.

Прочтение текстов приводит к пониманию, что оценивать священника следует не по тому, исполнил ли он предложенные рекомендации или нет, но по тому, понимает ли он, что он не соответствует этому служению и недостоин его, «осознал» ли «свою немощь» (*seiner eigenen Schwäche*) и исходя из этого «доверился» ли «Тому, Кто силен в немощных» [Ullmann 1825: 525; К. С. 1869: 315]. Именно в этом мы видим содержательное присутствие голоса античного автора в рассмотренных текстах XIX в.

Post Scriptum

Не будучи специалистом по мысли модерна, попробую тем не менее встроить показанные интуиции в более общие сюжеты.

1. Сложно не увидеть в пассаже о том, что «сила, укрепляющая священника в выполнении его высокой и тяжелой профессии, должна приходиться к нему свыше»³⁷, предвестие дальнейшего развития категории ха-

³⁷ «Die Kraft, welche den Geistlichen zur Erfüllung seines hohen und schweren Berufes stärkt, soll ihm, so ist es Gregorius überzeugt, von oben kommen» [Ullmann 1825: 525].

ризмы, перешедшей из немецкой среды в русскую и из церковной, через социологию Вебера, в общегуманитарную [Ячменик 2022]. Как представляется, становление этой категории происходит в рамках реакции внутри современного мышления на рационализирующую логику Просвещения, в каком процессе и «сыграл» голос Григория Богослова.

2. Можно предположить, что в РП (как и в немецком контексте с его идеей харизмы) заложены те ходы мысли, которые в конце XIX в. станут основанием для развития новой концептуализации религиозного лидерства в Церкви в идеях пастырской аскетики и внимании к личности пастыря, например в пастырском богословии вл. Антония (Храповицкого). Здесь представляло бы интерес исследование роли святоотеческих текстов в этом повороте.

Естественно, я не утверждаю, что рассмотренные тексты — в немецком ли, в русском ли контексте — служили сколь-либо значимым этапом в этих процессах. Я хотел лишь показать, что обращение к святоотеческим текстам о священстве периода поздней античности позволило авторам XIX в., пусть и без серьезной концептуализации, адресовать клиру высказывание, явно отвечающее проблематике того времени и даже «работающее на опережение». И если актуализацию «голоса» Григория Богослова для читателей³⁸ обеспечило его приближение к современным категориям и сопряжение с ними, то именно его аутентичная концентрация на этосе священника, преобладающем над функционалистским описанием, сделало эту актуализацию возможной и нужной на том этапе развития современного дискурса.

Сокращения

Greg. Naz. — Gregorius Nazianzenus.

Or. — Oratio.

Carm. — Carmen.

Источники

К. С. 1869 — К. С. Святой Григорий Назианзин как обличитель недостойных пастырей // Святые отцы Церкви и церковные писатели в трудах православных ученых. Святитель Григорий Богослов / [Рук. проекта А. И. Сидоров]. М.: Сибирская Благовонница, 2011. С. 307–315. (1-е изд. в: Труды Киевской Духовной Академии. 1869. № 4. С. 3–13).

Schleiermacher 1811 — *Schleiermacher F.* Kurze Darstellung des theologischen Studiums. Berlin: In der Realschulbuchhandlung, 1811.

Ullmann 1825 — *Ullmann C.* Gregor von Nazianz, der Theologe. Darmstadt: Verlag von Carl Wilhelm Leske, 1825. (Republ. 1867).

Ullmann 1841 — *Ullmann C.* Reformatoren vor der Reformation. Gotha: Perthes, 1841.

³⁸ О востребованности РП мы не можем судить, однако важен сам факт перевода НО на русский язык.

Литература

- Адо 2005 — *Адо П.* Духовные упражнения и поздняя античность / Пер. с фр. при участии В. А. Воробьева. М.: СПб.: Степной ветер; ИД «Коло», 2005.
- Алиева 2017 — *Алиева О. В.* Пайдейя как «малые мистерии»: Василий Кесарийский о греческой литературе // *Вестник древней истории*. Т. 77. № 2. 2017. С. 341–355.
- Антонов 2021 — *Антонов Н. К.* К вопросу об авторской стратегии свт. Григория Богослова в его «Апологии» (Слово 3 / Ор. 2) // *Вестник Екатеринбургской духовной семинарии*. № 35. 2021. С. 31–51. <https://doi.org/10.24412/2224-5391-2021-35-31-51>.
- Биркин 2016 — *Биркин М. Ю.* Представления о деятельной и созерцательной жизни: от Платона к христианской патристике // *Вестник РГГУ. Сер. История. Филология. Культурология. Востоковедение*. 2016. № 11 (20). С. 38–46.
- Воронцов 2017 — *Воронцов С. А.* (Анти)клерикальный дискурс и алетургия: к постановке проблемы // *Вопросы философии*. 2017. Вып. 4. С. 37–49.
- Воронцов 2020 — *Воронцов С. А.* Священник в свете стилей мышления: иерархическая и должностная спецификации // *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета*. Сер. 1: Богословие. Философия. Религиоведение. Вып. 91. 2020. С. 32–54. <https://doi.org/10.15382/sturI202091.32-54>.
- Воронцов 2021 — *Воронцов С.* К истории понятия «священник»: от сакрального статуса к функции в обществе // *Государство, религия, Церковь в России и за рубежом*. Т. 39. № 1. 2021. С. 267–294. <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2021-39-1-267-294>.
- Козеллек 2014 — *Козеллек Р.* Введение // *Словарь основных исторических понятий: Избранные статьи*. В 2 т. / Пер. с нем. К. Левинсон; Сост. Ю. Зарецкий, К. Левинсон. Т. 1. М.: Нов. лит. обозрение, 2014. С. 23–44.
- Остин 1999 — *Остин Дж.* Избранное / Пер. с англ. Л. Б. Макеевой, В. П. Руднева. М.: Идея-Пресс; Дом интеллектуальной книги, 1999.
- Пылаев 2021 — *Пылаев М. А.* Образ Лютера в либеральной и диалектической теологии // *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета*. Сер. 1: Богословие. Философия. Религиоведение. Вып. 94. 2021. С. 9–20. <https://doi.org/10.15382/sturI202194.9-20>.
- Скиннер 2018 — *Скиннер Кв.* Мотивы, намерения и интерпретация текстов / Пер. с англ. Т. Пирусс // *Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории* / Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: Нов. лит. обозрение, 2018. С. 123–141.
- Сухова 2009 — *Сухова Н. Ю.* Пастырское богословие в российской духовной школе (XVIII — начало XX в.) // *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета*. Сер. 1: Богословие. Философия. 2009. Вып. 1 (25). С. 25–43.
- Черкас 1904 — *Черкас А.* Скворцов, Константин Иванович // *Русский биографический словарь* / Изд. под набл. А. А. Половцова. Т. 18. СПб.: Тип. В. Демакова, 1904. С. 551–552.
- Ячменик 2022 — *Ячменик В.* Концепция харизмы в исследованиях С. И. Смирнова: немецкие истоки и их развитие // *Государство, религия, Церковь в России и за рубежом*. Т. 40. № 2. 2022. С. 259–276. <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2022-40-2-259-276>.
- Antonov 2022 — *Antonov N.* The ἀρχή of the priest in the ‘Apology for his Flight’ (ор. 2) of Gregory of Nazianzus // *Философия. Журнал Высшей школы экономики*. Т. 6. № 4. 2022. С. 13–35. <https://doi.org/10.17323/2587-8719-2022-4-13-35>.
- Beeley 2008 — *Beeley C. A.* Gregory of Nazianzus on the Trinity and the knowledge of God: In Your Light we shall see Light. Oxford: Oxford Univ. Press, 2008.

- Elm 2012 — *Elm S.* Sons of Hellenism, fathers of the Church: Emperor Julian, Gregory of Nazianzus, and the vision of Rome. Berkeley: Univ. of California Press, 2012.
- Flückiger 1975 — *Flückiger F.* Die protestantische Theologie des 19. Jahrhunderts. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1975.
- Lyutko, Chernyi 2020 — *Lyutko E., Chernyi A.* Die Geistlichkeit in der Auffassung des Moskauer Metropoliten Filaret: Akzentwechsel in der russischen Theologie des Priestertums von der zweiten Hälfte des 19. bis zum Beginn des 20. Jahrhunderts // *Ostkirchliche Studien*. Bd. 69. Heft. 2. 2020. S. 207–227.
- Storin 2017 — *Storin B. K.* Autohagiobiography: Gregory of Nazianzus among his biographers // *Studies in Late Antiquity*. Vol. 1. No. 3. 2017. P. 254–281. <https://doi.org/10.1525/sla.2017.1.3.254>.

References

- Alieva, O. V. (2017). Paideia kak “malye misterii”: Vasilii Kesariiskii o grecheskoi literature [Lesser mysteries of *paideia*: Basil of Caesarea on Greek literature]. *Vestnik drevnei istorii*, 77(2), 341–355. (In Russian).
- Antonov, N. K. (2021). K voprosu ob avtorskoi strategii svt. Grigoriia Bogoslova v ego “Apologii” (Slovo 3 / Or. 2) [On the question of authorial strategy of St. Gregory the Theologian in his “Apology for his Flight” (Or. 2)]. *Vestnik Ekaterinburgskoi dukhovnoi seminarii*, 35, 31–51. <https://doi.org/10.24412/2224-5391-2021-35-31-51>. (In Russian).
- Antonov, N. (2022). The ἀρχή of the priest in the ‘Apology for his Flight’ (or. 2) of Gregory of Nazianzus. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*, 6(4), 13–35. <https://doi.org/10.17323/2587-8719-2022-4-13-35>.
- Austin, J. (1975). *How to do things with words: The William James lectures delivered at Harvard University in 1955*. Oxford Univ. Press.
- Beeley, C. A. (2008). *Gregory of Nazianzus on the Trinity and the knowledge of God: In Your Light we shall see Light*. Oxford Univ. Press.
- Birkin, M. Iu. (2016). Predstavleniia o deiatel’noi i sozertsatel’noi zhizni: ot Platona k khristianskoi patristike [Notion about active and contemplative life: From Plato to Christian patristics]. *Vestnik RGGU, Ser. Istorii. Filologiya. Kul’turologiya. Vostokovedenie*, 2016, 11(no. 20), 38–46. (In Russian).
- Cherkas, A. (1904). Skvortsov, Konstantin Ivanovich. In A. A. Polovtsov (Ed.). *Russkii biograficheskii slovar’* (Vol. 18, pp. 551–552). Tipografiia V. Demakova. (In Russian).
- Elm, S. (2012). *Sons of Hellenism, fathers of the Church: Emperor Julian, Gregory of Nazianzus, and the vision of Rome*. Univ. of California Press.
- Flückiger, F. (1975). *Die protestantische Theologie des 19. Jahrhunderts*. Vandenhoeck & Ruprecht.
- Hadot, P. (2002). *Exercices spirituels et philosophie antique*. Albin Michel.
- Koselleck, R. (1972). Einleitung. In O. Brunner, W. Conze, & R. Koselleck (Eds.). *Geschichtliche Grundbegriffe: Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland* (Vol. 1, pp. xiii–xxvii). Klett-Cotta Verlag.
- Lyutko, E., & Chernyi, A. (2020). Die Geistlichkeit in der Auffassung des Moskauer Metropoliten Filaret: Akzentwechsel in der russischen Theologie des Priestertums von der zweiten Hälfte des 19. bis zum Beginn des 20. Jahrhunderts. *Ostkirchliche Studien*, 69(2), 207–227.
- Pylaev, M. A. (2021). Obraz Liutera v liberal’noi i dialekticheskoi teologii [The image of Luther in liberal and dialectical theology]. *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo humanitarnogo universiteta, Ser. 1: Bogoslovie. Filosofiya. Religiovedenie*, 94, 9–20. <https://doi.org/10.15382/stur1202194.9-20>. (In Russian).
- Skinner, Q. (1988). *Meaning and context*. Princeton Univ. Press.

- Storin, B. K. (2017). Autohagiobiography: Gregory of Nazianzus among his biographers. *Studies in Late Antiquity*, 1(3), 254–281. <https://doi.org/10.1525/sla.2017.1.3.254>.
- Sukhova, N. Iu. (2009). Pastyrskoe bogoslovie v rossiiskoi dukhovnoi shkole (XVIII — nachalo XX v.) [Pastoral theology in the Russian theological high schools (18th — beginning of the 20th c.)]. *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta, Ser. 1, Bogoslovie. Filosofii*, 2009(1, no. 25), 25–43. (In Russian).
- Vorontsov, S. A. (2017) (Anti)klerikal’nyi diskurs i aleturgii: k postanovke problem [Some considerations on the (anti)clerical discourse and alethurgy]. *Voprosy filosofii*, 2017(4), 37–49. (In Russian).
- Vorontsov, S. A. (2020). Sviashchennik v svete stilei myshleniia: ierarkhicheskaia i dolzhnostnaia spetsifikatsii [The priest in light of the thought style theory: Hierarchical and official descriptions]. *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta, Ser. 1, Bogoslovie. Filosofii. Religiovedenie*, 91, 36–54. <https://doi.org/10.15382/sturI202091.32-54>. (In Russian).
- Vorontsov, S. (2021). K istorii poniatiia “sviashchennik”: ot sakral’nogo statusa k funktsii v obshchestve [Towards a conceptual history of “priest”: From sacred position to social function]. *Gosudarstvo, religiia, Tserkov’ v Rossii i za rubezhom*, 39(1), 267–294. <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2021-39-1-267-294>. (In Russian).
- Yachmenik, V. (2022). Kontseptsiiia kharizmy v issledovaniiaakh S. I. Smirnova: nemetskie istoki i ikh razvitie [The concept of charisma in the research of S. I. Smirnov: German origins and their development]. *Gosudarstvo, religiia, Tserkov’ v Rossii i za rubezhom*, 40(2), 259–276. <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2022-40-2-259-276>. (In Russian).

* * *

Информация об авторе

Information about the author

**Николай Константинович
Антонов**

приглашенный сотрудник, Лаборатория
исследований церковных институций,
Православный Свято-Тихоновский
гуманитарный университет
Россия, 127051, Москва, Лихов пер., д. 6.
✉ nickfargo@gmail.com

Nikolay K. Antonov

Visiting Fellow, Ecclesiastical Institutions
Research Laboratory, St. Tikhon’s Orthodox
University for The Humanities
Russia, 127051, Moscow, Likhov Pereulok, 6
✉ nickfargo@gmail.com